

Еще о грамотахъ кн. Льва Галицкаго.

(По поводу статьи проф. Линниченка).

Три года тому назадъ въ издаваемомъ во Львовѣ подъ моею редакціей журналѣ «Записки Науковаго товариства імени Шевченка» (т. LXII) помѣстилъ я статью о грамотахъ съ именемъ галицкаго князя Льва Даниловича (Чи маємо автентичні грамоти кн. Льва²), гдѣ доказывалъ сомнительность ихъ всѣхъ безъ исключенія и старался разъяснить обстоятельства, среди которыхъ онѣ появлялись. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ «Извѣстіяхъ отд. рус. языка и словесности» (тома IX, кн. 1-я) появилась статья г. Линниченка, въ которой онъ опровергаетъ мои выводы и аргументы относительно недостоверности грамотъ кн. Льва, а также и по болѣе общему вопросу, который мнѣ пришлось затронуть въ упомянутой статьѣ: о возможности существованія въ старой Галичинѣ данныхъ и подтвердительныхъ княжскихъ грамотъ на боярскія имѣнія съ обязанностью службы.

Несогласіе г. Линниченка съ моими выводами для меня не было неожиданностью: его взгляды были мнѣ извѣстны изъ его прежнихъ работъ, и я не имѣлъ и не имѣю претензій склонить его на сторону своихъ воззрѣній. Если я теперь хочу высказать нѣкоторыя замѣчанія по поводу его критики, то къ этому принуждаютъ меня другіе мотивы. Дѣло въ томъ, что статья моя появилась въ журналѣ, который, благодаря языку, на которомъ издается (украинскому), все еще причисляется на категорію «безусловно воспрещенныхъ» въ Россіи (какъ и всѣ научныя

изданія Наукового товариства імени Шевченка и др.). Поэтому въ Россіи онъ можетъ имѣть очень небольшое распространеніе, будучи доступнымъ только немногимъ ученымъ учрежденіямъ и специалистамъ, которые также большею частію неохотно пользуются этою «непризнанною литературою». Въ виду этого я имѣю всѣ основанія думать, что большинство прочитавшихъ критику г. Линниченка, не будутъ имѣть возможности, даже при желаніи, просмотрѣть также и мою статью, чтобы судить о справедливости его возраженій. Сама же критика г. Линниченка не настолько объективна и осторожна въ обращеніи съ моими взглядами, чтобы могла сама по себѣ дать о нихъ вѣрное представленіе.

Критикъ болѣе объективный можетъ быть отмѣтилъ бы въ моей статьѣ то положительное, что она вноситъ въ разсматриваемый вопросъ — какъ напр. изслѣдованіе обстоятельствъ, среди которыхъ появлялись разныя грамоты съ именемъ кн. Льва и которыя объясняютъ намъ причины и отчасти приемы фабрикаціи этихъ грамотъ. Но такихъ претензій я не ставлю по отношенію къ моему критику. За то обязательнымъ является для всякаго критика внимательное отношеніе къ разбираемой работѣ: опровергать то, что дѣйствительно заключается въ ней, не приписывать автору того, чего онъ не говорилъ, и не искажать его доводовъ. Къ сожалѣнію г. Линниченко не удержался отъ такихъ промаховъ. При томъ, не ограничиваясь критикою вопроса по существу, онъ старается представить въ довольно невыгодномъ свѣтѣ мои приемы научнаго изслѣдованія вообще. Все это вынуждаетъ меня къ нѣкоторымъ замѣчаніямъ по поводу его статьи, на страницахъ того же ученаго органа, въ которомъ появилась критика г. Линниченка.

Въ своей статьѣ я прежде всего подвергъ анализу три грамоты Льва, предшествующими изслѣдователями (Ан. Левицкимъ, Линниченкоу и др.) считавшіяся за наиболѣе надежныя — пожалованія Добаневичъ, Гордыни и Рейтаровичъ. Я указалъ на сомнительныя подробности въ текстахъ этихъ грамотъ и на подозрительность тѣхъ обстоятельствъ, среди которыхъ появлялись

эти грамоты. Я остановился затѣмъ на двухъ грамотахъ кн. Льва витошинскимъ конюхамъ, на которыя указалъ недавно, признавая подлинными, Ан. Прохаска; я выяснилъ ихъ подложность и на основаніи собранныхъ мною въ львовскомъ архивѣ (такъ называемое бернардинскомъ) актовъ представилъ исторію борьбы витошинскихъ конюховъ съ старостинскимъ урядомъ, въ которой они прибѣгали къ фальсификаціи документовъ для защиты отъ старостинскихъ притязаній. Выяснивши тѣ условія, въ которыхъ землевладѣльцы-Русины въ Галиціи прибѣгали къ сочиненію грамотъ отъ имени кн. Льва, я поставилъ затѣмъ вопросъ—не возбуждаютъ-ли сомнѣній, по аналогіи обстоятельствъ, и самыя раннія упоминанія о грамотахъ кн. Льва—т. е. второй половины XIV в. Въ виду отсутствія указаній на существованіе данныхъ или подтвердительныхъ княжскихъ грамотъ на боярскія имѣнія во времена предшествующія польской оккупации, я призналъ сомнительными и тѣ грамоты на помѣстья, на которыя мы встрѣчаемъ указанія уже въ грамотахъ Казимира. Наконецъ на одной позднѣйшей грамотѣ конца (XVII в.) показываю я, какъ легко и беззастѣнчиво фабриковались грамоты съ именемъ кн. Льва, по старой традиціи, и позже, когда не было въ наличности подлинныхъ документовъ. Результаты своего изслѣдованія я собралъ въ концѣ статьи и въ такіе тексты:

«Можна думати, що вже від початків польського пановання в Галичині почали підроблювати грамоти з іменем кн. Льва для оборони прав на землі.

«В кождім разі від першої пол. XV в. і до XVIII можемо констатувати, що в руських кругах фабрикували грамоти з іменем кн. Льва, коли приходилося боронити свого фактичного володіння.

«Грамоти з іменем кн. Льва, які досі маємо, всі підроблені¹⁾».

1) Этотъ послѣдній выводъ въ стилизаціи тезисовъ звучитъ болѣе рѣшительно, чѣмъ былъ сдѣланъ въ текстѣ (с. 7): документы даже наиболѣе надежныя «имѣютъ рядъ непервостепенностей, автентичными ихъ уважати, принаймні поки не будуть збиті піднесені противъ нихъ закиди,—не можна».

Г. Линниченко, приступая къ пересмотру вопроса, ставить, говоря его словами, своему изслѣдованію слѣдующіе вопросы:

1) «Всѣ-ли дошедшіе до насъ въ копіяхъ грамоты старыхъ русскихъ князей подложны?»

2) «Если всѣ или часть такихъ грамотъ поддѣланы, то по какому образцу сдѣланы эти поддѣлки, — по образцу ли современныхъ или старыхъ польскихъ грамотъ, или по образцу подлинныхъ грамотъ русскихъ?»

3) «Послѣдній вопросъ естественно ведетъ къ слѣдующему: существовали-ли въ XIII и нач. XIV в. русскія грамоты на земельное владѣніе, и если существовали, то каково было ихъ содержаніе и форма» (с. 89).

Г. Линниченко начинаетъ съ опроверженія мнѣхъ воззрѣній по этому послѣднему вопросу, но я буду держаться порядка мнѣхъ выводовъ (и вопросовъ, поставленныхъ самимъ критикомъ) и начну съ вопроса о подлинности дошедшихъ до насъ грамотъ кн. Льва, или какъ довольно неопредѣленно выражается критикъ «всѣхъ дошедшихъ до насъ въ копіяхъ грамотъ старыхъ русскихъ князей». (Я въ своей статьѣ занимался только дошедшими до насъ грамотами съ именемъ кн. Льва, а не всеми вообще копіями княжьихъ грамотъ, да и самъ г. Линниченко не ставитъ вопроса такъ широко, какъ звучитъ приведенная фраза).

Изъ извѣстныхъ ранѣе грамотъ кн. Льва, я остановился только на трехъ (оставивъ въ сторонѣ тѣ, подложность которыхъ не возбуждаетъ ни въ комъ сомнѣній). Это грамоты на Добаневичи, Гордыню и Рейтаровичи. Я считаю ихъ сомнительными по двоякимъ причинамъ: въ виду подозрительности тѣхъ обстоятельствъ, среди которыхъ онѣ появились, и въ виду нѣкоторыхъ особенностей ихъ содержанія и внѣшней формы. Мои аргументы этой второй категоріи г. Линниченко опровергаетъ, находя въ моемъ изложеніи «цѣлый рядъ ошибокъ и неточностей, отнимающихъ у его (т. е. моего) обвинительнаго акта значительную долю значенія». А именно:

Общая подробность¹⁾, которую я нахожу подозрительною во всѣхъ трехъ грамотахъ, это упоминаніе о правахъ доминіального суда. Я считаю его подозрительнымъ въ виду того, что: а) «в иньшихъ памяткахъ з часівъ руського державного жита ми не стрічаемо ніякихъ вказівокъ на право пана судити и побирати судові кари з свободнихъ селян»; б) «в в. кн. Литовськѣмъ, що развивало свое право на основі староруській, право панів на суд і кари селян признається тільки земськимъ привилеемъ Казимира 1447 р., перед тимъ воно незвісне»; в) «в грамотахъ Казимира В. на маестности, виданихъ на підставі предложенихъ йому грамотъ Льва, 1360—1 рр., не згадують ся судові кари міжъ джерелами доходу маестностей, отже по всякій правдоподібности предложені йому Львові грамоти про нихъ не згадували» (с. 5). Въ опроверженіе этого г. Линниченко указываетъ—противъ перваго пункта на грамоту Юрія-Болеслава Саноку; противъ второго—грамоты смотричскимъ доминиканамъ 1375 г., Владислава III Дерславу Рытвянскому 1441 г. и упоминаніе о вирѣ въ грамотѣ Ростислава Смоленскаго; противъ третьяго—что Казимиръ «подтверждаетъ грамоты Льва въ самыхъ общихъ выраженіяхъ (не вписывая въ подтвержденіе самаго текста подтверждаемыхъ грамотъ)» (с. 100).

Все это однако довольно мало идетъ къ дѣлу. Грамота Саноку на нѣмецкое право не имѣетъ никакого отношенія къ вопросу о доминіальномъ судѣ надъ свободными крестьянами въ древней Руси, основываясь на нормахъ городского нѣмецкаго права. Грамота кн. Ростислава говоритъ о судѣ епископа надъ прощенниками и относится къ церковному суду.

Грамота 1375 г. не говоритъ о доминіальномъ судѣ определенно; если г. Линниченко видитъ, можетъ быть, указаніе на него въ словахъ «со всемъ правомъ», то это будетъ только гипотетическое толкованіе; впрочемъ для характеристики отношеній

1) Г. Линниченко не точно выражается, называя это возраженіе «основнымъ». Оно только общее, а не основное.

въ в. кн. Литовскомъ, грамотами Коріатовичей вообще можно пользоваться только съ большими оговорками, въ виду ихъ близости къ Польшѣ и польскимъ порядкамъ. Пожалованіемъ Державу Рытвянскому — пожалуй еще меньше, такъ какъ оно вышло отъ польскаго короля, дается коронному шляхтичу и потому могло вовсе не считаться съ практикою в. кн. Литовскаго. Впрочемъ, и въ этомъ послѣднемъ, какъ специальная и исключительная привилегія, право доминіальнаго суда могло даваться отдѣльнымъ владѣльцамъ, но насъ интересуетъ старая, общая практика.

Послѣднее возраженіе я могу понять только допуская, что г. Линниченко не вникъ въ сущность моего замѣчанія. Казимиръ въ грамотахъ, выданныхъ на основаніи предложенныхъ ему грамотъ кн. Льва, не упоминаетъ о правахъ доминіальнаго суда среди атрибутовъ владѣнія; поэтому можно думать, что въ тѣхъ предложенныхъ ему грамотахъ кн. Льва этого атрибута также не было, иначе мы могли бы его надѣяться встрѣтить въ этихъ подтвердительныхъ грамотахъ Казимира.

Кромѣ этого общаго замѣчанія о сомнительности права доминіальнаго суда, фигурирующаго во всѣхъ трехъ нами разсматриваемыхъ наиболѣе надежныхъ грамотахъ кн. Льва, я высказываю относительно текста первой грамотѣ (на Добаневичи) такія сомнѣнія: странна для оригинальной грамоты надпись ея — «А се листь князя Игъвовъ на Добаневичѣ»; правописаніе и языкъ слишкомъ вульгарны для княжьей канцеляріи; сомнительно звучатъ слова о вызовѣ владѣльцевъ изъ Литовской земли (повторяющіяся и въ другихъ грамотахъ кн. Льва).

Въ отвѣтъ на это г. Линниченко указываетъ мнѣ: что завѣщаніе кн. Владиміра Васильковича начинается формулой: «князя Владиміра рукописаніе»; что въ Галицкой Руси XIII в. была значительная иностранная колонизація, и что галицкіе князья вызывали колонистовъ изъ разныхъ странъ, въ томъ числѣ и изъ Литвы (с. 102).

Въ дѣйствительности указаніе на вводныя слова завѣщанія

кн. Владиміра Васильковича служатъ доказательствомъ не за, а противъ. Эти вводныя слова («князя Володимеря рукописаніе» — Ипат. с. 594), какъ должно быть извѣстно г. Линниченку, читаются только въ Ипатскомъ спискѣ; въ спискахъ Хлѣбниковскомъ и Погодинскомъ, сохранившихъ болѣе первоначальную форму лѣтописи¹⁾, ихъ нѣтъ: конечно, они принадлежатъ позднѣйшему редактору, а не оригиналу завѣщанія кн. Владиміра, гдѣ они такъ же странно звучали бы, какъ звучатъ тѣ вводныя слова якобы оригинальной грамоты кн. Льва на Добаневичи.

Извѣстіе галицкой-волинской лѣтописи о вызовѣ колонистовъ кн. Даниломъ общезвѣстно (впрочемъ о Литвѣ специально въ немъ не говорится)²⁾; но независимо отъ этого упоминаніе грамоты, что князь «вызывалъ» по неизвѣстнымъ мотивамъ этихъ «братнѣцевъ», чтобы поселить ихъ «у Перемыскоѣ волости» также для неизвѣстныхъ цѣлей—казалось мнѣ, и теперь кажется сомнительнымъ: если князю почему то понадобилось упоминать о «вызовѣ», то мы могли бы разсчитывать на нѣкоторую мотивировку этого вызова и пожалованья.

Этотъ вызовъ изъ Литвы, въ тѣхъ же выраженіяхъ фигурируетъ также во второй грамотѣ (на Гордыню). Кромѣ того я указалъ, что Самборская волость, упоминаемая въ ней, для времени до польской оккупациі фигурируетъ только въ подложныхъ или сомнительныхъ документахъ, а категорія «бортниковъ», упомянутая въ ней, «не звѣстна в руськихъ часахъ». На это г. Линниченко замѣчаетъ: «Нѣтъ доказательствъ и несуществованія Самборской волости въ XIII в.» «Бортниковъ, какъ особый классъ, встрѣчаемъ еще въ XII в. (въ ссылкѣ: «Грамота Ростис-

1) См. объ этомъ замѣчанія въ моей работѣ о Галицко-волинской лѣтописи: «Хронологія подій Галицко-волинської лѣтописи», в XLІ томѣ «Записокъ наук. тов. ім. Шевченка» и отдѣльно, 1901.

2) И самый «вызовъ» вѣроятно слѣдуетъ въ этомъ текстѣ понимать такъ, что этихъ разныхъ «прихожаевъ», какъ читаетъ издатель, князь приглашалъ селиться въ Холмѣ.

слава Смоленскаго: село Ясенское и съ бортникомъ и съ землею; межа бортная упоминается въ Русской Правдѣ; находимъ бортниковъ и въ галицкихъ актахъ XIV в. — Головацкій, № VI); естественно, что при огромномъ значеніи бортнаго дѣла въ древней Руси этотъ классъ существовалъ и значительно раньше.

Что касается Самбора, замѣчаніе г. Линниченка вполне справедливо (я не взялся бы доказывать невозможность существованія Самборской волости не только при кн. Львѣ, но даже и при Александрѣ Македонскомъ), но оно нисколько не ослабляетъ моего замѣчанія и не измѣняетъ дѣла. Говоря о бортникахъ, я разумѣлъ Южную Русь, такъ что упоминаніе грамоты Ростислава Смоленскаго меня не касается. Но я готовъ признать, что сопоставленіе упоминанія смоленской грамоты¹⁾ съ галицкими грамотами второй половины XIV в. (какъ Головацкаго № 6) дѣлаетъ *откровеннымъ* существованіе этого термина въ Галичинѣ и въ концѣ XIII в. (дѣло идетъ не столько о существованіи людей, занимавшихся бортничествомъ — оно безспорно, сколько о терминѣ «бортникъ», поэтому упоминаніе бортной межи и развитіе бортнаго дѣла тутъ не имѣютъ значенія).

Наконецъ, въ третьей грамотѣ я указалъ какъ и сомнительныя на выраженія: а) *servitoti meo... militi*, б) *pasuis aut zugem*. Не касаясь послѣдняго, г. Линниченко замѣчаетъ, что «выраженіе *miles* могло соответствовать термину бояринъ» (с. 102). Невозможности я, конечно, и тутъ не буду доказывать, но такой переводъ въ польской официальной латыни XV—XVI вв. необыченъ, и поэтому сомнѣніе мое остается въ полной силѣ.

Такъ представляется въ дѣйствительности этотъ «цѣлый рядъ ошибокъ и неточностей», изобличенныхъ г. Линниченкомъ.

Единственный аргументъ, отъ котораго я могу отказаться въ виду его замѣчаній — это соображеніе относительно бортниковъ (да и то въ немъ не было ничего ошибочнаго въ приложеніи

1) Допуская, что это упоминаніе принадлежитъ первоначальному тексту.

къ Южной Руси). Всѣ остальные остаются совершенно непоколебленными его критикою. Впрочемъ, нѣкоторые остались вовсе безъ возраженій (языкъ первой грамоты, расписаніе аутъ зугетъ третьей). Безо всякаго возраженія остались также мои замѣчанія относительно подозрительной обстановки, въ которой появляются эти грамоты. Вслѣдствіе этого мое убѣжденіе о сомнительности даже наиболѣе надежныхъ грамотъ съ именемъ кн. Льва остается въ полной силѣ и послѣ замѣчаній г. Линниченка.

Впрочемъ, и самъ г. Линниченко не особенно настаиваетъ на подлинности дошедшихъ до насъ грамотъ съ именемъ кн. Льва¹⁾. Его замѣчанія имѣли въ виду только изобличеніе «цѣлаго ряда ошибокъ и неточностей» въ моемъ изложеніи. Самъ онъ готовъ признать сомнительность дошедшихъ до насъ грамотъ²⁾, но зато признаетъ за ними большое значеніе въ томъ отношеніи, что онѣ «даютъ данныя о «формулярѣ старыхъ, недошедшихъ до насъ, русскихъ грамотъ княжескаго періода» (с. 102). Онъ довольно подробно останавливается (с. 89—91) на вопросѣ о возможномъ значеніи подложныхъ документовъ, доказывая такое значеніе «иногда... для характеристики извѣстныхъ внутреннихъ обстоятельствъ эпохи, въ которую произведенъ подлогъ».

1) На с. 82 онъ, повидимому, также считаетъ право доминантнаго суда въ грамотахъ анахронизмомъ — позднѣйшей вставкою, какою считалъ ихъ въ одной изъ прежнихъ своихъ работъ. Но на с. 97 онъ безъ оговорокъ повторяетъ изъ другого труда свои взгляды на княжескія пожалованія, гдѣ доминантный судъ является также однимъ изъ объектовъ пожалованія. Такимъ образомъ въ этомъ вопросѣ позиція его не совсѣмъ опредѣлена. Свои взгляды на исторію доминантнаго суда въ украинскихъ земляхъ я излагаю въ V т. Исторіи України-Руси, теперь печатаемомъ (въ исторіи общественныхъ классовъ XIV—XVI в.).

2) Кстати, въ изложеніи моего критика вкралась ошибка, гдѣ онъ говоритъ о грамотахъ сохранившихся «въ областяхъ разнаго времени, начиная съ XIV вѣка» (с. 81): старѣйшая область принадлежитъ серединѣ XV вѣка (1448 г.). Говоря о копіяхъ грамотъ, занесенныхъ въ лѣтописи, онъ относитъ двѣ изъ нихъ къ XIV вѣку (с. 80). Рѣчь идетъ очевидно о двухъ грамотахъ, читаемыхъ въ Ипатскомъ кодексѣ, но послѣдній, какъ теперь установлено, принадлежитъ не XIV, а первой половинѣ XV в.

а «иногда . . и для характеристики тѣхъ или иныхъ бытовыхъ чертъ эпохи, къ которой отнесенъ актъ его фальсификаторомъ», и какъ видимъ, признаеть за грамотами кн. Льва такое ретроспективное значеніе.

Собственно такую ходячую истину, какъ историческое значеніе поддѣльныхъ документовъ, не было надобности разъяснять *ab ovo*, какъ то дѣлаеть г. Линниченко. *Каждый* фальсификатъ можетъ служить для характеристики тѣхъ обстоятельствъ, въ которыхъ онъ составленъ. Ретроспективное же употребленіе фальсификата— вещь болѣе сложная и непременно требуетъ предварительнаго тщательнаго изслѣдованія. Г. Линниченко совершенно справедливо указываетъ (с. 91), что для такого ретроспективнаго пользованія нужно сначала установить «близость копии къ бывшему у фальсификатора образцу», а ставя программу своей статьѣ (с. 89), включаетъ въ нее изслѣдованіе вопроса, по какому образцу составлены грамоты кн. Льва— «по образцу ли современныхъ или старыхъ польскихъ грамотъ, или по образцу подлинныхъ грамотъ русскихъ». Путь установленъ такимъ образомъ совершенно вѣрный, но тутъ осторожный и даже придирчивый изслѣдователь, какимъ г. Линниченко заявилъ себя въ иныхъ случаяхъ, неожиданно вступаетъ въ область предположеній и упованій, замѣнивъ ими аналитическое изслѣдованіе, необходимое въ данномъ случаѣ, и тѣмъ значительно облегчивъ свою работу.

Уже на с. 90 читаемъ весьма рискованный выводъ. Сказавъ, что всякій фальсификаторъ долженъ стараться придать своему фальсификату видъ подлиннаго документа, г. Линниченко замѣчаетъ: «Передъ глазами совершающаго подлогъ долженъ быть образецъ подлинный, съ котораго онъ, съ тѣми или иными, необходимыми для его цѣли измѣненіями, копируетъ свой снимокъ». Заключение слишкомъ послѣшное, потому что фальсификатъ можетъ быть сдѣланъ на основаніе иного фальсификата (особенно когда послѣднему удалось достигнуть своей цѣли). Затѣмъ, не входя ближе въ анализъ грамотъ (если не считать совершенно

неудачнаго сближенія надписи грамоты на Добаневичи съ заглавіемъ завѣщанія Владимира Васильковича, и вовсе малоцѣннаго сопоставленія вступительныхъ словъ: «А се я князь Левъ съ началомъ грамоты Мстислава Даниловича: «Се азъ князь Мстиславъ, сынъ королевъ, внукъ Даниловъ»—ор. с. стр. 101), авторъ въ окончательныхъ выводахъ своей статьи пишетъ (с. 102): «можно съ большою вѣроятностью утверждать, что часть изъ такихъ дошедшихъ до насъ грамотъ, скопирована не съ современныхъ польскихъ грамотъ, а со старыхъ русскихъ грамотъ княжескаго періода», и непосредственно затѣмъ вѣнчаетъ свою статью такимъ заключительнымъ выводомъ: «Въ виду послѣдняго такія грамоты имѣютъ для насъ важное значеніе, такъ какъ даютъ данныя о формулярѣ старыхъ, недошедшихъ до насъ, русскихъ грамотъ княжескаго періода».

Выводъ просто образцовый по своей необоснованности! Послѣдность автора тѣмъ удивительнѣе, что на пути этихъ построений онъ долженъ былъ перешагнуть черезъ сдѣланныя мною замѣчанія о сомнительности существованія вообще княжескихъ грамотъ такого содержанія и о необходимости быть осторожнымъ даже относительно тѣхъ упоминаній о Львовыхъ грамотахъ, которыя мы находимъ въ дипломахъ Казимира В. Но г. Линниченко расправляется весьма рѣшительно и съ этими моими замѣчаніями — гораздо болѣе рѣшительно, чѣмъ осмотрительно.

Начать съ того, что я вовсе не «утверждаю», какъ говоритъ г. Линниченко (с. 91), «что и представленные еще Казимиру въ половинѣ XIV в. на утвержденіе грамоты съ именемъ Льва были сфабрикованы современными владѣльцами земельных имуществъ». Наоборотъ, въ своей статьѣ (с. 18) я прямо говорю, что судить о подлинности этихъ грамотъ, по однимъ голымъ упоминаніямъ очень трудно, и можно только сомнѣваться въ ней¹⁾,

1) «Насуваєть ся дуже поважний сумнів, що й ті найстарші грамоти з іменем кн. Льва були сфабриковані» (с. 19).

въ виду сомнительности существованія такихъ княжьихъ грамотъ вообще и въ виду аналогичности тогдашнихъ обстоятельствъ, въ которыхъ предлагались Казимиру тѣ Львовы грамоты, съ условіями поздѣйшими, подѣ влияніемъ которыхъ и среди которыхъ происходила уже завѣдомая фабрикація грамотъ съ именемъ кн. Льва.

Такихъ упоминаній о грамотахъ Льва изъ временъ Казимира В. я имѣю въ виду три: въ двухъ идетъ рѣчь, очевидно, о пожалованныхъ Львомъ имѣніяхъ, въ одной — о подтвердительной грамотѣ его на имѣніе купленное. Г. Линниченко удивляется, что я «почему то» оставляю въ сторонѣ еще упоминаніе о земляхъ, данныхъ Львомъ львовскому войту Бертольду (с. 92). Это «почему то» въ устахъ ученаго, серьезно поработавшаго надъ исторіею внутреннихъ отношеній Южной Руси, мнѣ очень нравится! Мы ставимъ вопросъ о существованіи въ древней Руси жалованныхъ и подтвердительныхъ княжьихъ грамотъ военно-служебнымъ на помѣстья, а г. Линниченко удивляется, что я не приплелъ сюда грамоту войту общины нѣмецкаго права на войтовскія земли. Какое отношеніе рецепція учрежденій нѣмецкаго права можетъ имѣть къ нашему вопросу?

При этомъ я обращаю вниманіе спеціально на грамоты съ именемъ Льва. Но я не ошибаюсь, какъ говоритъ г. Линниченко: «Проф. Грушевскій ошибается, утверждая, что есть только одна ссылка на иного князя русскаго» (с. 99). Не ошибаюсь, потому что вовсе не «утверждаю» того, что г. Линниченку угодно приписать мнѣ. Я говорю, что кромѣ Льва только въ одномъ случаѣ упоминается *по имени* иной князь¹⁾, и такъ оно и есть: въ другихъ случаяхъ, указанныхъ г. Линниченко (въ документахъ, цитированныхъ и въ моей статьѣ), есть общія упоминанія о «князяхъ русскихъ», но по имени изъ нихъ называется только Левъ. Я старался разными соображеніями уяснить себѣ, откуда яви-

1) «Попрі десятки відкликів до надань Львових, ми досі маємо одну одніську згадку внишого князя по імени» (с. 20).

лось такое странное предпочтеніе для имени Льва (с. 19—20). Г. Линниченко по поводу этого заявляетъ: «Въ томъ обстоятельстве, что большинство подложныхъ грамотъ носятъ имя Льва, мы видимъ одно изъ доказательствъ тому, что существовали и подлинныя грамоты этого князя, съ которыхъ «фабриковались и подложныя» (с. 99). Вольному воля! О научной цѣнности этихъ выводовъ автора я уже говорилъ, тутъ только замѣчу, что даже съ точки зрѣнія автора они всетаки не объясняютъ, почему передъ нами фигурируютъ все грамоты Льва, почему дѣлались поддѣлки съ его грамотъ, а не предшествующихъ и послѣдующихъ князей также? Вѣдь не онъ исключительно, а и всѣ они выдавали такія грамоты, по мнѣнію г. Линниченка.

Мои слова о положеніи галицкихъ землевладѣльцевъ въ моментъ польской оккупации (с. 19) г. Линниченко очевидно понялъ не совсѣмъ точно, приписывая мнѣ такой взглядъ, что въ этотъ моментъ всѣ землевладѣльцы были лишены документальныхъ доказательствъ на свои владѣнія (с. 97). Я говорю только, что старорусское землевладѣніе *часто* опиралось на фактическомъ владѣніи или устныхъ контрактахъ, а князьихъ пожалованій, которыя, по польскимъ понятіямъ, должны были служить основаніемъ землевладѣнія, мы вовсе не видимъ. Существованія письменныхъ купчихъ или иныхъ актовъ на владѣніе я не отрицаю и не отрицаю (хотя прямыхъ указаній на писанныя купчія мы не имѣемъ, и аргументы г. Линниченка — с. 93, этого вопроса дальше вѣроятности не подвигаютъ).

Вообще г. Линниченко въ своей статьѣ показываетъ склонность спорить не по существу вопроса. Я указываю на отсутствіе указаній на практику выдачи князьими грамотъ въ подтвержденіе договоровъ продажи (с. 18—9) — г. Линниченко заявляетъ, что мое положеніе «противорѣчитъ фактамъ» и доказываетъ существованіе купчихъ и вѣроятность того, что онѣ могли совершаться и въ присутствіи князя! Я указываю (не: категорически утверждаю, какъ говоритъ г. Лин-

ниченко)¹⁾, что намъ неизвѣстна въ древней Руси раздача князьями сель боярамъ за службу или подъ условіемъ службы (с. 19)—г. Линниченко засыпаетъ меня рядомъ большею частью имѣющихъ самое отдаленное отношеніе къ вопросу ссылокъ на лѣтопись, указываетъ на наплывъ иноземцевъ въ Галичину въ XIII в., на существованіе княжеской канцеляріи, на существованіе оффиціальной лѣтописи и пользованіе составителемъ Галицко-волинской лѣтописи княжескимъ архивомъ, — чтобы въ концѣ концовъ «на основаніи всѣхъ этихъ данныхъ» утвердить «фактъ», «что изъ княжеской канцеляріи выходили не только грамоты тѣхъ разрядовъ, образцы коихъ сохранились въ лѣтописи, но и разныя другія грамоты, въ томъ числѣ и грамоты на земельное владѣніе» (с. 96)—выводъ опять таки довольно поспѣшный.

Г. Линниченко не ошибается, предполагая, что факты, приведенные имъ «въ опроверженіе выводовъ» моихъ, были мнѣ достаточно хорошо извѣстны. Они однако не содержатъ въ себѣ сколько-нибудь опредѣленныхъ указаній на раздачу князьями имѣній съ обязанностью службы и могутъ быть истолкованы вполне удовлетворительно, не прибѣгая къ гипотезѣ о существованіи помѣстной системы²⁾. Лишь немногіе изъ нихъ могутъ быть привлечены къ вопросу и допускаютъ толкованіе въ ту или другую сторону, другіе же не относятся къ нему, говоря о

1) Моей украинской рѣчи вообще жестоко не повезло въ статьѣ г. Линниченко. Не говорю уже объ ужасныхъ опечаткахъ въ приведенныхъ авторомъ цитатахъ, мѣстами превращающихъ ихъ въ совершенно неудоборазимую тарабарщину. Самъ авторъ показываетъ довольно странное отношеніе къ ней. Переведя мои слова: «з притискомъ треба піднести» словами: «категорически слѣдуетъ утверждать» (с. 92) (что совершенно не точно, но за такими неточностями ужъ не угоняться!), мой критикъ затѣмъ начинаетъ играть словомъ «притискомъ» (на с. 96 и 97), вѣроятно находя его курьознымъ и способнымъ произвести комическій эффектъ. Такая манера вышучиванья украинскихъ «словечекъ» достаточно извѣстна и широко использована разными развязными фельетонистами, но у серьезнаго ученаго ее видѣть довольно странно.

2) См. мое изслѣдованіе: «Галицке боярство XII—XIII в.»—Записки наук. товариства ім. Шевченка, т. XX.

раздѣлъ волостей въ управленіе, о боярскихъ имѣніяхъ и т. п. Если поэтому я не раздѣляю воззрѣній моего критика о существованіи раздачи помѣстій, это отнюдь еще не можетъ свидѣтельствовать о моей предвзятости, которую онъ усматриваетъ¹⁾.

Вопросъ о существованіи или несуществованіи начатковъ помѣстной системы въ древней Руси — вопросъ очень важный, правильное рѣшеніе котораго имѣетъ большое значеніе для пониманія ея общественной эволюціи. Опѣнка относящихся сюда фактовъ привела меня къ отрицательному взгляду уже въ первой моей большой работѣ — Исторіи Кіевской земли (1891). На этой точкѣ зрѣнія остался я потомъ въ обзорѣ общественнаго строя древней Руси въ т. III моей «Исторіи Украины-Руси» (1900) и въ специальныхъ работахъ, остаюсь на ней въ обзорѣ общественной эволюціи Украины въ XIV—XVI въ V т. своей Исторіи (печатаемомъ теперь). Но окончательно и безповоротно рѣшеннымъ этого вопроса я не считаю: я самъ указываю нѣкто-

1) Усмотрѣвъ у меня «предвзятую мысль» въ данномъ вопросѣ, г. Линниченко прибавляетъ (с. 96): «причину многихъ предвзятыхъ мыслей автора Исторіи Украины Руси мы не можемъ себѣ объяснить». Это звучитъ очень не лестно для моихъ научныхъ работъ и специально — моей «Исторіи Украины-Руси», а для меня тѣмъ болѣе неприятно, что это огульное осужденіе относится, опять таки, къ труду русскимъ читателямъ почти не доступному (въ Россіи запрещенному, благодаря украинскому языку, на которомъ онъ написанъ), и имъ, въ огромномъ большинствѣ, придется повѣрить на слово г. Линниченку. Книга, изобилующая предвзятостями, слѣдовательно тенденціозная, не научная — не удивительно, что и запрещена, потеря для науки не большая, вправдѣ подумать читатель — г. Линниченко вѣдь человекъ компетентный, самъ по южнорусской исторіи работалъ. И именно вслѣдствіе этого ему слѣдовало бы быть осторожнѣе. Если г. Флоринскій въ своемъ обличеніи украиннофильства призналъ мою Исторію, по первому тому ея, книгою тенденціозною, то это можно было извинить публицистическимъ задоромъ, въ которомъ онъ не постѣснялся мою научную дѣятельность вообще объяснить вліяніемъ «темныхъ силъ». Но г. Линниченко пишетъ не публицистическую статью и долженъ быть остороженъ въ сужденіяхъ и выраженіяхъ. О предвзятостяхъ обыкновенно говорятъ, когда ясно представляются цѣли или мотивы, заставляющія писателя односторонне подбирать или искажать факты. Г. Линниченко признаетъ, что не умѣетъ себѣ объяснить такихъ причинъ. (Я дѣйствительно и самъ затруднился бы сказать, какія цѣли преслѣдую я, не признавая помѣстной системы въ древней Руси). Въ такомъ случаѣ не умѣстило бы и не говорить о предвзятостяхъ?

рые аргументы сопта. Не считая вообще себя обладателем непогрѣшимыхъ истинъ, я не стѣсняюсь отказываться отъ своихъ взглядовъ, если они оказываются ошибочными, и въ вопросѣ о старорусскомъ боярскомъ землевладѣннн готовъ привѣтствовать всякое справедливое соображеніе, всякое новое указаніе, хотя бы они подрывали мое собственное представленіе о немъ. Но для этого нуженъ тщательный анализъ извѣстнаго намъ матеріала или ретроспективное изученіе позднѣйшихъ явленій. Этому г. Линниченко не даетъ. А ссылками на разные не относящіяся къ дѣлу факты, вышучиваньемъ словечекъ или упреками въ предвзятости положительныхъ результатовъ мудро достигнутъ.

•
Мих. Грушевскій.

Львовъ, 26/X (8/XI) 1904.